ЮНОСТЬ

9 770132 203600
16+
№ 2/2023

2

Литературно-художественный журнал
Журнал «Юность» №02/2023

Серия «Журнал «Юность» 2023», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68857065
Журнал «Юность» №02/2023:

Аннотация

«Юность» – советский, затем российский литературно-художественный иллюстрированный журнал для молодёжи. Выходит в Москве с 1955 года.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Поэзия 6
Дмитрий Чеховский 6
Данил Файзов 14
Фантастические твари 15
Проза 23
Злата Солнцева 23
Вишни в снегу 24
Баба 30
Евгений Егоров 43
Снос 43
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Журнал «Юность»
№ 02/2023

© С. Красаускас. 1962 г.

Поэзия

Дмитрий Чеховский

Родился в 1988 году, почти всю жизнь прожил в Туле. По образованию инженер-робототехник, преподает в Тульском государственном университете специальные дисциплины. Участник литературных смен форума «Таврида» (2020, 2022), Всероссийской литературной мастерской «Мир литературы: Новое поколение» АСПИ 2022 года и других семинаров.

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ

(Красные стены, сосуды труб)
я сижу в архиве
ковыряюсь в деле
клеветнчск деле
(тьфу)
деле о клевете.
обвиняемый был обвинителем
смел утверждать

будто он —
вор
(Вор)
и пробирался в чужие квартиры и дома
переставлял вещи
оставлял
следы
в пыли
на полу
пустоту
запыляла
быль
(вора)
(трубы дрожат).
но все полы были от были чисты
он требовал проверить камеры
но
записи перезаписаны стерты чисты
а жильцы
все отрицают
все отрицают
все на месте как и было
а если и не было то уж давно
быльем
(других)
поросло.
свидетель формально один:
от остальных
ни слова

ни полслова
(а Его Слово
ухом не услышать).
губы судьи
размыкаются
(смыкаются
решетки труб,
стены труб,
стены решеток)
вина не доказана
суд приговаривает к свободе
приговор окончательный и обжалованию жалованию жалости
(жаль)
не подлежит.

ЭТО НЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Это прыжок.
Я копье, брошенное в зеркало водной глади.
Но с высоты тысячи метров это не вода – бетон.
Это немота.
Ни речь, ни проза здесь не помогут.
А я должен кричать,
ведь больше тебя я боюсь только смерти.
Это нагота.

Я хочу, чтобы ты видела меня как Адама Ева —
голую душу.
это поражение
свободное от конфликта замысла рифм
прикажи и признаю слова выше их порядка
Это сон.
Я и эти строки – предрассветная дымка
мы ждем когда встанет солнце и все проснутся
это конец

* * *

Мы – рядом.
Мы – рыбы.
Острые лица. Круглые глаза.
Тусклые глаза.
Мы слились
        лбами.
Мы слились
        носами.
Губами,
губами,
гу —
  лбами.
То, что еще осталось от руки
(моей руки)

не растворилось в груди
гладит свитер
(вверх)
словно клеенку
(вниз)
разглаживает клеенку
(вверх)
на столе
(вниз)
Срывает клеенку
(Вверх.)
Совсем ненужную.
(Вверх!)
Я разлепляю лица —
                вниз.
Проверить гладкость
                стола.
Бархат
        сукна.
Но спотыкаюсь.
Носом спотыкаюсь.
И спотыкаюсь.
И с-по —
            ты —
        ка —
юсь.

Но так даже лучше.

Я мешаю нас как пластилин.
Я леплю тебя.
Я леплю тебя!
Я леплю тебя!

Я слепил тебя…
    Круглое лицо. Острые глаза.
    Полные бликов
                глаза.
…из нее.
Простите.
Прости.

Мы лежим.
Она – в постели. А я —
                глазах.
– На что ты смотришь?
Вопрошают
        глаза.
Тусклые
        глаза.
– Ни на что,
            дорогая.
Совсем.
Ни на что.

Данил Файзов

Поэт, культуртрегер. Родился в 1978 годе в г. Игарке Красноярского края. Живет в Москве.

Окончил три курса исторического факультета Вологодского государственного педагогического университета и Литературный институт имени А. М. Горького (семинар Т. Бек и С. Чупринина). Работал дворником, продавцом книг, товароведом и директором книжного магазина известной сети ОГИ. В 2004 году вместе с Юрием Цветковым основал проект «Культурная инициатива», занимающийся организацией литературных мероприятий. В 2009 году проект «Культурная инициатива» вошел в шорт-лист премии Андрея Белого (в номинации «Литературные проекты и критика»).

Стихи публиковались в журналах «Арион», «Волга», «Дети Ра», «Знамя», «Интерпоэзия», «Новый берег», «Новый мир», «Шо» (Киев) и других, в альманахах и антологиях. Автор книг стихов: «Переводные картинки» (2007), «Третье сословие» (2015), «Именно то стихотворение, которое мне сегодня необходимо» (2020), «Часть жизни» (совместно с Юрием Цветковым) (2021), «Ежегодные верлибры имени Юрия Борисовича Орлицкого» (2022). Стихи переводились на английский, испанский, румынский, сербский и украинский языки.

Лауреат премии Antologia (в составе группы кураторов)

за организацию выставки «Литературная Атлантида. Поэтическая жизнь 1990–2000-х».

Фантастические твари

МОРСКОЙ ЦАРЬ

забираю под воду речной вокзал

муравьиный дом назывную речь
две звезды лейтенанта любой из родин
всю вторичку до трешек включительно
чтобы лечь
не с простой матрешкой
с которой тогда не встал

с царской дщерью которой я соприроден

не искать пришел привычный журчанью вод
а забрать свое золоченый слащавый сумрак
вязь словесную здесь ей давно не место
за нее даю изумруды янтарь малахит угрюмый
открывая беззвучно счастливый рот
будет жить в достатке моя невеста

стой на месте яуза сетунь вставай с колен
брызги моря сахарной ваты слаще
в новых званиях добры молодцы жаждут славы
я еще возьму одно из твоих колец
станут семь твоих близнецов на страже
никогда тебя не оставят
и я не оставлю

04.07.2022

ГОРГОНА

Демьяну Кудрявцеву

караваджо ли работы леонардо ли
этот сплав кошмара и прекрасного
амфисбены пожирающие аспидов
зерна памяти проигранные в нарды
прорастают сквозь глазницы ленинградовы
обвивают ценности семейные
по границе серебристого парада
где аврора превращается в варяга

каменеют лица на закате
у защитницы теперь одна забота
улыбаться с кованых решеток
как родная мама на плакатах

31.07.2022

ВЕЛИКИЙ ПОЛОЗ

лопата дачника корзина грибника
глаза под ноги лишнего не видно

все там змеится по корням кротовьим норам

вот так струится шепоток от сквозняка
всего полно но все же как обидно
чужие горы золотые горы

когда раздвинетца тогда и растворяются вороты
как жарко стелет как богато спать
над урожаем чахнуть над уловом

взамен чешуек и копеек безголовых
под взглядом хладным змею отдавать

изгибы жизни кольца прожитого
все то немногое что удалось собрать

28.07.2022

ДИОСКУРЫ

Кастор:
дарило зло свои награды камышовые
нагим и летним летним и нагим

неплохо быть таким
вглядись
прекрасным

Полидевк:
прекрасными
не стать тебе и мне
мы отраженья известковые
друг друга
о смерти грезить
о бессмертии мечтать

Кастор:
в бою кулачном с тем тупоконечным
ты победил
но скот вели мы вместе

Полидевк:
что толку в том
ты мертвый я живой
и то что мне досталось одному
не делится
но я тебя не брошу
со смертными в их
горестном аду

Кастор:
с бессмертными
в их праздности напрасной

03.09.2022

СИРЕНЫ

именно тогда
когда все заканчивается
приходят сирены
они молча обступают мою кровать
молчат
собирают шорохи
ждут сна моего
смотрят и ждут
нет ли здесь
какого-то перышка
какого-то тревожного пения
знака
что назначено отплывать

17.10.2022

* * *

вздумалось камню по телу потосковать
лечь на кровать
тут одеяло подушка и пульт
щелкнешь а там
нева
вялые волны идут
задевая гранит
чайка парит

вот и живое свою демонстрирует плоть
миг и нырок
миг и на солнце блестит
рот открывает беззвучно
рот
смертная рыба
играет с воздушной волною плавник
костист

04.08.2022

Проза

Злата Солнцева

Родилась в 1992 году. Живет в Москве.

Писательница, поэтесса. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького (мастерская Павла Басинского). Победительница конкурса от АСПИ «Мир литературы. Новое поколение» (2022), участница Школы писательского мастерства от Фонда Филатова (2022), Литературной школы журнала «Юность» в Переделкине (2022), победительница конкурса на проживание в литературной резиденции от АСПИ (г. Орел, 2022), участница 22-го Форума молодых писателей (2022). Вошла в лонг-листы поэтического конкурса от CWS «А завтра все изменилось» (2022) и конкурса литературного журнала «Иначе» с фотоработой «Острота переживания» (2022). Публиковалась в журналах «Пашня» и Contour.

Вишни в снегу

Елена Анатольевна лежала на подушках, прикрыв веки и привалившись к стене. Костлявой рукой, покоившейся на животе, перебирала складки одеяла. Чернильная муха прыгала в углу комнаты. Хотелось ее прихлопнуть, но не было сил.

– Зоюшка, приди ко мне, – прошептала старуха, медленно разлепляя губы, за которыми темнели обломки зубов. От глубины чувств уронила слезу и заснула.

Через полчаса дверь приоткрылась, в проем высунулась голова с черным пучком волос и тут же спряталась. Голова принадлежала Зое, местной соцработнице. Девушка имела поэтически трепетную душу и приходила к Елене Анатольевне по нескольку раз на дню. То подушки поправит, то утрет губы после жидкого супа из картошки, то напоет что-нибудь на своем, украинском.

Ее тело, широкое, с толстой шеей и потерявшимися под кожей ключицами, заполняло треть комнаты в орловском малоэтажном доме.

По утрам Зоя наряжалась в сиреневую водолазку с высоким горлом и шерстяную юбку с кружевными воланами. Обувала ноги в серые из кожзама сапожки с острым каблуком, в которых семенила по ковролину грязного болотного цвета. В пучок на голове были воткнуты черные металлические невидимки, при извлечении беспощадно дравшие волосы.

Зоя умела варить супы из топора: в далеком двухтысячном году любила слоняться по кухне, пока ее бабушка крутилась по хозяйству. У нее и подсмотрела тысячи способов приготовления блюд из ничего. «Я его слепила из того, что было», – как пела Алена Апина в песне «Узелок». В крепкий узел стянулось Зойкино прошлое и настоящее, как рыболовная сеть, в которую попалась щука.

Однажды утром Зойка обнаружила Елену Анатольевну за чтением молитвенника. Утренний свет из окна струился на

кровать и белую, с жидкими волосами голову старухи. Морщины на лбу стали глубже, скулы проступили резче. Тонкие руки с синюшными венами замерли над книгой.

– Доброе утро, Ленантольна, манки? – привычно крикнула Зойка, занося на кухню тяжелые сумки с продуктами.

– Да, золотце, лучше с комочками.

– Все сделаю.

– Спасибо, милая.

Зоя загромыхала кастрюлями.

– Сон мне снился сегодня. Как Алеша, сыночек мой, зовет меня к себе в Благовещенск. Предлагает все расходы оплатить, лишь бы приехала.

– Как знать, может, сон в руку! – крикнула Зоя из кухни, снимая кашу с огня. Сегодня собрать густые темные волосы в пучок не успела: малость проспала и теперь скакала по квартире, как ужаленная.

– Сыночек-то мой из Афгана не вернулся, убили, – едва слышно прошептала Елена Анатольевна, осеняя себя крестным знамением и борясь с утренней сонливостью.

– Вы простите, что напомнила, по незнанию ведь. – Зоя подошла к подопечной и подоткнула подушки под спину.

Над головой старухи располагалось окно. Мороз разрисовал стекла узорами, как палехскую шкатулку. Елена Анатольевна полулежала спиной к окну и не видела этого.

– Ничего, детка, ничего.

Уловила ноздрями еле слышный сладковатый запах ман-

ной каши из кухни и добавила:

– А было время, когда мы с Алешей жили радостно, как у Христа за пазухой. Добрым он был, мне во всем помогал. Снял мне домик у Волги, говорил – чего хочешь? Сделаю все, что ни пожелаешь. Овощи были, вишни – все свое, без нитратов. Садовника приставил к огороду, к саду. Была у него жена, Ясечка. Уж до чего красива и мила! Я как увидела ее, сразу сказала: женись, больше такой не найдешь. Как в воду глядела. Сын у них родился, Димочка, тихий и добрый, весь в папу. Эх, что за жизнь была…

– Ленантольна, вы так никогда не доедите, если будете мне рассказывать. – Зоя посмотрела на старуху с одуванчиковым пушком на голове и для большей убедительности насупила брови. Ложка звякнула о тарелку.

– Мне этот сон дороже всего, детка. – Елена Анатольевна качнула коротко остриженной головой и глубоко вздохнула. Оправила белую прядь, в руке осталось несколько тонких волосков. – Подержи тарелку, милая. – С этими словами старуха достала из-под ночной сорочки возле груди пакетик. Через полиэтилен просвечивал небольшой обрезок темных волос.

– Это Алешины, – пояснила она и добавила к темным прядкам свои волоски, седые. Восковые пальцы с коричневыми старческими пятнами погладили прозрачный пакетик и юркнули с ним обратно под сорочку.

– Я уже сына потеряла, мужа от диабета, Дима в три года

умер, а больше и некого терять, – промолвила Елена Анатольевна.

Зоя притихла у постели старухи на несколько минут, потом унесла пустую тарелку, положив подопечной под ладонь старенький кнопочный телефон со сколом на экране и пожелав хорошего дня.

После завтрака Елена Анатольевна почувствовала прилив сил. Включила телевизор, хотя покойный муж всегда говорил ей не смотреть этот, как он выражался, «зомбоящик». На первой кнопке выступал президент. Под взглядами камер он рассказывал об устойчивом экономическом развитии страны, несмотря на санкции западных стран. Елене Анатольевне показалось, что он устал.

«Если б мой Алеша видел все это…» – подумалось ей.

В окно постучали. Елена Анатольевна вздрогнула, выключила телевизор и прислушалась.

Стук повторился.

– Зоя, это ты? – спросила она среди тишины, разрезаемой ударами в стекло.

Никто не ответил.

Елена Анатольевна попробовала пошевелить ногами, но они плохо ее слушались. Она медленно спустила их на пол, опираясь руками о края кровати. Она по-прежнему сидела спиной к окну, и ей просто необходимо было увидеть, кто стучит.

Елена Анатольевна сделала усилие и развернулась на звук.

Окно медленно распахнулось, впуская холод в прогретую комнату. Темненький мужчина с тонкими чертами лица смотрел с улицы прямо на Елену Анатольевну. Его голубые глаза глядели по-доброму и, казалось, улыбались. В одной руке он держал горсть красных вишен, другой барабанил по стеклу.

Сердце Елены Анатольевны на секунду замерло и сразу же забилось быстро-быстро, как птичка, попавшая в силок. Старуха потянулась к окну, вглядываясь в этот улыбающийся рот, мысленно провела ладонью по родным темным волосам, по румяным щекам, которые, наверное, кололись оттого, что утром по ним не прошлась бритва.

– Леша, ты пришел за мной? – сказала она.

– Мама, я снял домик в Благовещенске. Переезжай. Там вишни, яблони, свой огород…

Старуха откинулась на подушки, вытянулась, как струна, ее взгляд застыл, как будто это были не глаза, а стеклянные яблоки. Тело с повисшими руками опало на кровать. Пакетик с прядками уже не щекотал грудь, как бывало прежде. Последнее, что она подумала, – как сладко, когда тебя ждут…

В полдень Зойка пришла в квартиру приготовить жидкий суп. Комната старухи оказалась пустой и выстуженной. Снежинки залетали в распахнутое окно, оседая на полу и кровати. Зойка заметалась, заплакала: сколько ни искали Елену Анатольевну, не смогли найти. Только в узкой кровати на

белой смятой простыне цепенела горстка бордовых налитых вишен, припорошенных снегом.

21 сентября 2022 года, г. Орел

Баба

В пятницу Саша раздувала ноздри и упирала руки в бока, меча молнии из глаз. Бабушка Ирина Леонтьевна беспомощно разводила руками, как бы отгоняя эту оглушительную волну от себя, но все равно тоже начинала захлебываться в море криков и упреков.

– Зачем ты поставила вазу на мой подоконник? Я просила не заходить в мою комнату!

– Саша, да ведь ваза-то красивая! Что я, враг тебе, что ли? – Жалобный оклик в ответ.

– Сама ставь себе свои вазы, ко мне не подходи! – Саша ударила кулаком в стену, от ярости ее лицо покраснело.

Ирина Леонтьевна беспомощно простонала и ушла на кухню. Саша осталась в комнате плакать. Стены, увешанные постерами персонажей аниме-мультфильмов, не могли ее защитить, сколько бы девочка ни желала спасения. Плакаты были повсюду, на стенах почти не осталось пустого места.

Бабушка перед уходом посмотрела на уродливые лица аниме-персонажей, подумала о том, что внучка стала для нее инопланетным существом с тех пор, как ей стукнуло двенадцать. Столько слез было пролито, столько криков слышали эти стены… Не такой жизни она желала себе, когда соглашалась смотреть за ребенком дочери Ольги и ее мужа Дмитрия. Бизнес бизнесом, но и своих детей нельзя забывать, перекладывать на чужие плечи.

Саша уткнулась лицом в подушку, отплакала свое и заснула. Снилось ей, что Наруто протягивает ей любимую бабушкину конфету «Мечта». Саша отталкивает его руку, лицо Наруто становится бабушкиным лицом, с обвислой кожей и сединой у висков. Бабушка сжимает губы в тонкую полоску и говорит: «Оставь себе свои вазы!»

Девочка проснулась оттого, что громко хлопнула дверь. Потрогала пальцем высохшую дорожку от слез и надела наушники, включив максимальную громкость. Потерянно

уставилась в компьютер, не различая ничего перед собой.

Саша всегда отличалась крутым нравом. Ее маме и отцу давалась тяжело семейная жизнь. Все у них должно было идти по строго выверенному расписанию: бизнес, рождение ребенка (вместо няни решили воспользоваться бабушкиной помощью). Ясли, детский садик, гимназия. В загородном доме, где они жили, места всем хватало. Семья казалась со стороны благополучной: высокий доход, ребенок в спецшколе, успеваемость хорошая. Но Саше этого было мало. Привыкшая в жизни получать все, она не смогла свыкнуться с мыслью, что ей не получить главного – внимания родителей.

Девочка умела кусаться, огрызаться, научилась и бить в стену кулаками (втайне мечтала заниматься боксом, но понимала, что родители не одобрят). Бабушка казалась ей главным препятствием к счастью. Не любила Саша и старость, презирала ее – может быть, понукаемая бабушкой, не могла спокойно смотреть старости в лицо, такое знакомое и до боли родное. Это твоя кровиночка, говорил ей папа, указывая на большую «бабу», когда ей было пять лет. «Слушай ее, она плохого не посоветует».

Саша выросла, а «баба» стала на полголовы ниже, чем раньше. И вот уже девочка осмеливается не слушаться ее, прячет палочку подальше, за шкаф, чтобы та не могла ее найти. А потом идет к умывальнику и сильно трет лицо под холодной водой, пытаясь потушить пожар в крови. Она и сама иногда чувствовала, что не к добру это у нее.

День плавно перетекал в вечер. Вернулись родители, а бабушки все не было. Саша сняла наушники, в которых играла любимая кей-поп-группа. Посмотрела на часы. Маленькая стрелка приближалась к девяти. Заурчало в животе, и Саша отправилась на кухню сделать бутерброд.

– Мама не берет трубку. – Ольга расстегнула сапоги и переобулась в домашние тапочки. – С трех часов не могу ей дозвониться. Саш, она говорила, куда идет?

Девочка неохотно пожала плечами, намазывая плавленый сыр на хлеб. Она тоже заметила, что бабушки долго нет. Злость чуть отступила, и она растерянно поедала бутерброд, прислушиваясь к звукам закипавшего чайника.

– К подруге пошла, наверное, – предположил папа Дмитрий и пошел в ванную мыть руки.

– Я звонила Галине Ивановне, к ней мама не приходила. Сегодня она должна была сходить в поликлинику к четырем. Но и у врача ее не было, я узнавала.

Саша покраснела… Она посмотрела на вазу с лепниной в виде чашечек хризантем, высившуюся на столе рядом с солонкой и перечницей. Щеки еще больше вспыхнули. Не так-то легко было погасить нарастающую тревогу в груди.

Саша проглотила последний кусок и заглянула в коридор. Заметила, что палочки для ходьбы нигде нет. Ирина Леонтьевна брала ее в тех случаях, когда предстоял длинный путь. Саша прислонилась к стене и скрестила руки на груди. Казалась нелепой сама мысль, что с бабушкой может что-то

случиться. Она ведь была сегодня дома, и все дни до этого тоже не о чем было беспокоиться.

Девочка отправилась в свою комнату, включила компьютер и стала механически обновлять ленту в соцсети.

В это время Ольга обзванивала бабушкиных подруг.

* * *

Женщина в теплом пальто горчичного оттенка переходила Вишневую улицу, как вдруг увидела старушку, растерянно озиравшуюся возле проезжей части. В правой руке она держала палочку с резной ручкой. Женщина подхватила старуху под локоть и помогла перейти улицу. Та взглянула ей в лицо, словно хотела о чем-то спросить, но потом передумала.

– Вам далеко? – спросила женщина, замедляя шаг на переходе через зебру. Своим быстрым размеренным шагом она легко могла перемахнуть дорогу, но, по всему, старухе такая скорость была не под силу.

– Не знаю, милая.

– Давайте я вас провожу. – Она попробовала поймать взгляд прохожей.

Старуха растерянно смотрела куда-то вдаль, поверх головы женщины, как будто хотела что-то разглядеть далеко за горизонтом. Платок, от усердия завязанный тугим узлом, сбился набок. Осенний холод пробирался через расстегнутое

в верхних пуговицах серое пальто. Палочка с резной ручкой постукивала по асфальту при каждом движении старухи.

– Где вы живете?

– Не помню, деточка… – Старуха развела руками.

– Как же так? Что мне с вами делать?.. Пойдемте ко мне.

Женщина снова подхватила старуху под локоть, и та посеменила за своей проводницей, осторожно ступая и помогая себе палочкой. Они сели на автобус, и он довез их до неприметного одиннадцатиэтажного дома на окраине города.

– Меня зовут Люба, а вас?

– Меня Мария Леонтьевна, – отозвалась старуха, поправляя узел на платке.

– Что ж, Мария Леонтьевна, проходите, пожалуйста. Тут я живу. Скромно, но уютно. – Женщина помогла раздеться старухе. Та была одета опрятно и со вкусом – настоящая редкость для пожилых людей в их спальном районе.

– Будем пить чай. А вы расскажете, как тут оказались. Договорились?

Люба провела Марию Леонтьевну с дороги помыть руки и усадила на единственный на кухне стул со сломанной спинкой. Сама встала возле раковины.

Судя по обстановке, по небольшому количеству вещей, в квартире Люба была единственным жильцом. Во всем чувствовалась женская рука: занавески, сшитые из разных кусков ткани, вазочка на столе с искусственными цветами, несколько иконок, бережливо выставленных на полке в при-

хожей.

Мария Леонтьевна озиралась, крутя вросшей от старости в плечи головой. Потом обернулась и сказала:

– Видит бог, для Сашеньки я старалась больше всех.

– Сашенька? Кто это? – ухватилась Люба за единственную протянутую ей ниточку.

– Внучка моя, дочка моей Оли.

– Вы с ней живете?

– Да, только ругаемся много. Не понять мне ее никак… Кошка с собакой и то лучше ладят, чем мы… Люба достала из шкафа пакет с пастилой и разложила ее на блюдце с темной линией трещины поперек. Мария Леонтьевна протянула руку к полосочке пастилы, и Люба заметила, какие ухоженные у нее пальцы и ногти.

Люба засмущалась своих обкусанных ногтей и спрятала их в рукава растянутой кофты.

– Саша, наверное, беспокоится, что вас нету, – предположила Люба. Она задумчиво наблюдала, как менялось выражение лица Марии Леонтьевны с растерянного на печальное.

– Если бы… Она со своей… этой, анимацией обо мне даже не вспоминает…

– Напрасно вы так думаете! Я уверена, что она о вас волнуется!

– Дай бог, чтобы так.

Мария Леонтьевна надкусила полоску пастилы и запила обжигающим чаем. Руки ее подрагивали, и чашка тихонько

звякнула о блюдце, когда она опустила ее на место.

– Наберу-ка я Николыванычу, соседу моему. Он следователем работает. Может, подскажет, как с вами быть.

Люба приложила к уху мобильный телефон. В наступившей тишине послышались длинные гудки.

– Не берет, зараза! Утром еще наберу ему. А вы ложитесь пока спать. Утро вечера мудренее. Люба оправила занавески на окнах, чтобы квартира не просвечивалась в наступившей темноте вечера, и ушла стелить постель для новой знакомой. Сама эту ночь поспит на диване.

* * *

Утро субботы было необычайно тихим, без шумного телевизора и песенок, которые напевала бабушка за приготовлением завтрака. Саша открыла кран, выдавила зубную пасту на щетку и принялась сосредоточенно чистить зубы.

Чувство непримиримой ненависти сменилось растерянностью и неясной виной. Саша закрыла кран и проскользнула в бабушкину комнату. Постель была аккуратно заправлена, на тумбочке рядом с изголовьем блестел чехол для очков из крокодиловой кожи. Девочка почувствовала нарастающий ком в горле и быстро вышла из комнаты, пока чувство непоправимой ошибки не накатило на нее волной, как вчера вечером.

Мама собиралась на работу бесшумно, как будто опаса-

ясь нарушить неестественную тишину, воцарившуюся в доме. С исчезновением Ирины Леонтьевны дом вмиг опустел, комнаты задышали одиночеством. От того богатого, пестрого мира, который вертелся в доме, как праздничная карусель, остались тлеющие угли.

Даже хрустальные люстры как будто тусклее светили.

Саша не пошла в школу, сказавшись больной. Учительница Таисия Ивановна дала задание на дом, и девочка облегченно вздохнула. Как многие подростки, Саша недолюбливала школу, хотя и признавала необходимость хорошего образования.

Мысли ее перекинулись на один эпизод из недавнего прошлого. Был Сашин день рождения. Решали, как его отмечать. Родители не могли вырваться с работы, поэтому было два варианта: встречать с бабушкой и ее подругами или в ресторане в кругу Сашиных друзей. Ирина Леонтьевна не переносила шумных застолий и не могла присоединиться к компании друзей внучки.

Саша заявила, что готова отмечать праздник с кем угодно, только не с бабушкой. Ольга и Дмитрий возмутились грубостью чувств их дочери и с тревогой подумали, что воспитали нравственного монстра. Тогда Саша крикнула, что вообще не будет праздновать день рождения, раз ее не считают в семье за человека.

Девочка очнулась от воспоминаний, внутри поселился въедливый червячок сомнения: не перегнула ли палку? Не

была ли слишком груба? Все-таки пожилой человек… И детское «баба».

В детстве любимым Сашиным занятием было надеть толстую кофту и кружиться на животе, подняв ноги и руки над уровнем пола. Тогда еще они жили в старой хрущевке с занозистым паркетом у бабушки в комнате, который у родителей все не доходили руки покрыть лаком. Бабушка считала обороты вокруг оси, ноги и руки вертелись, рисуя в воздухе колесо. Саша смеялась и чувствовала себя как на аттракционе, веселя бабушку.

Теперь старая хрущевка давно в прошлом; Саша знала, что родители много трудились, чтобы заработать на собственный дом. С переездом за город что-то сломалось в их благополучном семейном укладе. И вот теперь Саше двенадцать, прежняя жизнь осталась за стеклом, как музейный экспонат, к которому больше нельзя прикоснуться, только смотреть на него издали, как на недостижимость.

Хлопнула входная дверь: мама и папа ушли на работу. Саша осталась одна посреди огромного дома, предательски помнившего множество некрасивых сцен с Сашиным участием. Правда, тогда Саша так не думала. Но дремавшее в подвздошье чувство соразмерности диктовало свои ориентиры, и девочка не могла сделать вид, что не замечает этих ясных, однозначных законов жизни.

В коридоре раздалась трель. Наверное, родители что-то забыли?

Саша посмотрела на экран системы наблюдения, и сердце сделало кульбит. У входной двери стояла какая-то женщина средних лет и держала под локоть ее бабушку. Замок не слушался Сашиных пальцев и не хотел поддаваться. Саша сделала усилие, и дверь распахнулась.

– Здравствуйте! Вот ваша Мария Леонтьевна! А вы, наверное, Сашенька?

Женщина легонько подтолкнула бабушку вперед. Сама осталась в коридоре.

– Только не Мария, а Ирина! – поправила Саша незнакомку. – Бабуль, мы тебя везде искали… Проходите же! – обратилась Саша к вошедшим. – Как вас зовут?

– Да это неважно, правда! Люба я.

Саша едва справилась с телефоном, набирая мамин номер. От волнения она говорила несвязно и перескакивала с одного на другое. Потом передала трубку, и женщина рассказала маме Саши о том, как нашла их бабушку. Неуклюже отказалась от денег и распрощалась.

Ирина Леонтьевна озиралась кругом и топталась на месте. Глаза ее смотрели куда-то поверх головы внучки. Что она видела? Саша не знала.

* * *

Врачи поставили Ирине Леонтьевне старческую деменцию. Саша исправно ходила за бабушкой и сама готовила ей

завтраки, обеды и ужины. У бабушки забрали ключи, и теперь она выходила гулять под присмотром внучки. А в кармане ее пальто находилась записочка с ее именем и адресом, заботливо написанная рукой внучки. На всякий случай, думала Саша, мало ли что.

Новый год встречали в теплом семейном кругу. Саша крутилась вокруг Ирины Леонтьевны, чувствуя вину перед своей «бабой». Кровиночка, как ее назвал когда-то Сашин папа, растворялась во всеобщей заботе и таяла в тепле семейного очага, как снежинка, слетевшая на ладонь.

Через полгода, весной, она совсем растаяла. Саша взяла бабушкин чехол из крокодиловой кожи и положила его на свой домашний алтарь, где хранила дорогие ее сердцу вещи: свечу с ароматом гардении, альбом с фотографиями, на которых она маленькая и счастливая… Алтарь прирос еще одним «музейным экспонатом» – вазочкой с лепниной в виде чашечек хризантем – бабушкиной красой.

Так Саша подросла и в следующие несколько лет выучилась рисовать. Она сделала копию в карандаше портретной фотографии Ирины Леонтьевны. Перестала слушать кей-поп, меньше пользовалась соцсетями, в интернет заходила, только когда нужно было по учебе. Окончила школу и поступила в мед.

Еще через пять лет она вышла замуж и родила сыночка, здорового и умного крепыша. Это твоя кровиночка, сказал сыну Сашин муж про свою ненаглядную тещу. «Баба!» –

кричал мальчонка и норовил взобраться по Ольге Александровне, как по стволу крепкого дерева.

«Баба» плакала и млела.

5–16 октября 2022 года, г. Орел

Евгений Егоров

Родился в 1993 году в г. Екатеринбурге. Окончил физико-технический факультет Уральского федерального университета. Работает IT-консультантом. Живет в г. Москве.

Снос

– Значит, сносить нас будут? – спросила Вера Павловна,

лениво водя шваброй по старому паркетному полу.

– Похоже на то. – Владимир Петрович отложил свежий номер «Вечернего Свердловска» в сторону и отхлебнул из стакана с чаем. – Говорят, наверху постановление еще два года назад приняли. И вот только теперь собрались.

Вера Павловна вздохнула.

– Наверное, это к лучшему, – после недолгой паузы произнесла она. – Нехорошее это место, Вова.

Владимир Петрович, успевший к этому моменту достать из первого ящика своего вахтерского стола открытую пачку сушек, удивленно поднял брови.

– Что значит нехорошее? – непонимающе спросил он.

Вера Павловна распрямилась и с раздражением посмотрела на вахтера.

– Не делай вид, будто не понимаешь, о чем я, – укоризненно заговорила она. – Тут же царя расстреляли. Вместе с семьей.

– Ах вот ты о чем, – хмыкнул Владимир Петрович и задумчиво почесал седой прокуренный ус. – Ну расстреляли. И что с того?

– А то, – горячась, продолжила Вера Павловна. – Что души здесь невинные погублены.

– Ну, положим, не совсем невинные. – Владимир Петрович окунул сушку в чай. – Вспомни, сколько царь народу загубил. Одна Ходынка чего стоит…

– А детки? – перебила его уборщица. – Великие княжны,

молодой царевич. Еще и больной. Их-то за что?

– Время было такое, – отрезал вахтер. – Сама знаешь. Лес рубят – щепки летят.

– Да знаю я, – потупилась Вера Павловна. – Но все равно, не по-христиански это. Вот теперь и отзывается. Бог все видит.

– Дура ты, Вера, – покачал головой Владимир Петрович. – В Свердловске уже тридцать лет живешь, а ум все тот же, деревенский. Как будто из своего Старопышминска никуда не уезжала. Нет никакого Бога. И ерунду свою прекращай говорить. Стыдно слушать.

– А ты больно умный, – огрызнулась уборщица. – То-то вахтером работаешь на старости лет, а не профессором каким-нибудь. И никакая это не ерунда. Ты в ту комнату когда последний раз ходил?

Владимир Петрович пожал плечами.

– А я каждый день полы там мою, – вздохнула Вера Павловна. – И с каждым днем все хуже и хуже. Плохое это место, Вова. Захожу туда – и убежать хочется. Сама не знаю почему, а страшно. Вот сейчас надо туда идти, а я боюсь.

– Суеверия, – зевнул Владимир Петрович и допил чай. – Ничего там нет, Вера. Так что иди мыть спокойно. Если что, – улыбнулся он, – кричи. Так уж и быть, помогу. Не боженька же тебе помогать будет.

Узкое морщинистое лицо Веры Павловны потемнело от гнева. Сдержавшись, она подхватила ведро со шваброй и

молча направилась к лестнице, ведущей на нижний этаж.

Вахтер равнодушно посмотрел ей вслед, почесал лысеющий затылок.

Затем развернулся на стуле и принялся смотреть в окно.

«К матери бы надо съездить, – думал Владимир Петрович, глядя на безлюдную улицу, залитую полуденным августовским солнцем. – Ира сказала достать… как его… совсем память ни к черту… пирамидон, вот. Надо Боре позвонить, у него дочь вроде фармацевтом работает. Авось поможет, по старой памяти. Хотя толку все равно не будет. Девяносто лет, ничего не попишешь…»

Его размышления прервал истошный крик уборщицы:

– Вова-а-а-а!

Вздрогнув, Владимир Петрович поднялся из-за стола и быстро зашагал к лестнице.

Спустившись на нижний этаж, он прошел по коридору и увидел Веру Павловну, замершую возле открытой двери одной из комнат. Комната была проходная и вела в то самое помещение, о котором они говорили несколько минут назад.

– Вера, что случилось? – встревоженно спросил Владимир Петрович.

Уборщица медленно повернулась к нему.

– Там, – тихо сказала она, глядя на вахтера расширившимися от ужаса глазами. – Там…

– Да что там такое, – удивился Владимир Петрович и заглянул в проходную комнату.

И обомлел.

Вторая дверь, ведущая в соседнюю комнату, исчезла. Вместо нее пространство от пола до потолка заполняло мерцающее голубоватое свечение. Полностью скрывая происходящее в комнате, оно струилось плотным кольцеобразным потоком, наполняя затхлый воздух нижнего этажа освежающим послегрозовым запахом озона. Одиночные сгустки света с едва слышным треском падали на пол, сразу же растворяясь на облупившихся половицах.

– Что за… – пробормотал Владимир Петрович, пораженный необычным зрелищем.

– Господи, спаси и сохрани, – закрестилась Вера Павловна. – Пощади рабу твою, Веру, во имя…

Ее тихий, монотонный голос вывел вахтера из оцепенения.

– Молчи, дура, – шикнул он, и уборщица растерянно замолчала.

С полминуты Владимир Петрович молча наблюдал за светящимся потоком. Затем, решившись, осторожно зашел в комнату и замер на месте.

– Вова, зачем? – услышал он за своей спиной испуганный голос Веры Павловны.

– Не бойся, я осторожно, – успокоил ее Владимир Петрович и вдруг сделал еще несколько шагов.

Вера Павловна всплеснула руками.

– Вова?

Владимир Петрович и сам не понимал, что он делает. То, что вначале воспринималось им как простое любопытство, превратилось в какую-то необъяснимую силу, заставляющую идти в сторону свечения, словно оно было мощным магнитом, а сам Владимир Петрович – маленьким бруском железа. С каждым новым шагом вахтер с ужасом осознавал, что ноги перестают его слушаться и двигаются сами, подчиненные чьей-то непостижимой воле.

– Вера… оно тянет меня, – прохрипел Владимир Петрович, тщетно пытаясь остановиться. – Помоги.

Но было поздно. Когда до мерцающего потока оставалось несколько метров, ноги Владимира Петровича перешли на бег. Последнее, что он успел увидеть, с трудом повернув голову, – была Вера Павловна, без сознания лежащая на полу.

Затем его окружил свет.

* * *

– …И все-таки, Ваше Величество, считаю своим долгом заметить, что тогда вам несказанно повезло. Две раны на голове, кожа была рассечена до самой кости – и без каких-либо серьезных последствий. Как говорили у нас в академии, fortes fortuna adiuvat[1].

– Благодарю вас, дорогой Евгений Сергеевич, но знали бы

---

[1] Удача благоволит храбрым (лат.).

вы, какие черные мысли меня посещают! Явственно ощущая все то, что происходит с несчастной Россией, я порой малодушно думаю: а может, лучше бы я погиб тогда, в Оцу. На престол бы взошел Георгий, и кто знает, может…

– Боже мой, Ники, что ты такое говоришь? Неужели ты забыл, что несчастный Джорджи умер всего через три года после твоей коронации? Не будь тебя, эта ужасная смута началась бы гораздо, гораздо раньше.

– Дорогая Аликс, ты, как всегда, права. Но я лишь хотел сказать, какую роковую роль может сыграть одно-единственное мгновение. Как бы сложилась наша жизнь, если бы папа приказал казнить не одного Ульянова, а всю…

– Тогда Его Величество уподобилось бы этим чудовищам, которые разрушили все, что строилось веками. Ты же знаешь, Ники, что Александр Александрович был добр и милостив, и он бы никогда так не поступил. Доброта и великодушие – эти добродетели были издавна присущи нашим самодержцам, и именно они в конце концов привели нас к гибели.

– Papa! Maman! Умоляю вас, прекратите этот бессмысленный спор. Лучше вспомните хорошее. Ах, какой прелестный бал был устроен в честь моего совершеннолетия. Мой первый выход в свет! И я впервые встретилась с офицерами моего полка, papa, вы помните?

– Моя милая Оленька, я бы отдал все на свете, чтобы еще один раз увидеть тебя, кружащуюся в вальсе посреди дворца. Восторженный полет юности, Аликс, что может

быть прекрасней этого?

– Papa, прошу прощения, но мне кажется, что там кто-то есть.

– Ты прав, Алексей. Пустившись в эти теплые, но все же отчасти горькие воспоминания, мы совсем забыли о главном. Да, наконец это человек. Подождем еще несколько мгновений, и тогда мы сможем оценить его по достоинству.

– Oh, mon dieu, papa, это мужик.

– И правда, Ники, я вижу, что он из крестьян. Разве человек такого происхождения сможет сделать то, что необходимо?

– Дорогая Аликс, я сомневаюсь, что мы дождемся персону благородных кровей. К моему глубочайшему сожалению, за эти шестьдесят лет число таких людей в России значительно сократилось. И потом, разве происхождение определяет человека? Вспомни Ломоносова, Кипренского. Елисеевых, наконец. Но боюсь, проблема в другом.

– В чем же, Ники?

– Я вижу, что этот мужчина глуп. Он самодоволен и мелочен, в его сердце нет места вере. И он думает лишь о сиюминутном счастье, его не заботит будущее. Такой человек не сможет исполнить нашу великую цель, как бы мы ни старались ему помочь. Но прежде, чем принять окончательное решение, я бы хотел услышать мнение нашего дорогого Евгения Сергеевича.

– Ваше Величество, к несчастью, мой вердикт будет

также неутешителен. У этого человека изрядно подорвано здоровье. Отчасти это обусловлено его возрастом, но есть изменения, вызванные нездоровым образом жизни. К примеру, легкие в скверном состоянии из-за курения, есть склеротические изменения тканей печени, скорее всего из-за чрезмерного употребления спиртных напитков. Также налицо ранние симптомы деменции, говоря проще – слабоумия. Подытоживая все вышесказанное, Ваше Величество, я вынужден заключить, что этот человек не проживет и пятнадцати лет.

– Благодарю вас, Евгений Сергеевич. Что ж, первый блин оказался комом. Но не будем отчаиваться. Я уверен, что рано или поздно мы увидим здесь достойного человека. А пока нам остается предаваться воспоминаниям, приятным и не очень. Аликс, ты помнишь, какой был чудный костюмированный бал девятьсот третьего года…

* * *

Спустя несколько часов на посту дежурного УКГБ по Свердловской области раздался телефонный звонок.

– Комитет государственной безопасности, дежурный слушает, – произнес один из дежурных офицеров, сняв трубку.

– Это лейтенант милиции Шевцов. – Голос милиционера звучал испуганно. – У нас… как бы это выразиться… инцидент по адресу: Карла Либкнехта, дом сорок девять. Согласс-

но действующей инструкции, звоним вам.

– Какой инцидент? – раздраженно переспросил дежурный. – Почему звоните нам? Еще раз уточните адрес.

– Дом Ипатьева, – пояснил Шевцов. – Было дано указание докладывать вам о всех связанных с ним происшествиях. Поэтому и звоним. По поводу самого инцидента – извините, но я не могу описать произошедшее словами. Пришлите, пожалуйста, кого-нибудь.

– Что значит не можете? – рассердился дежурный. – Вы же сотрудник милиции. Что это – террористический акт, убийство? Или антисоветская провокация?

– Скорее, последнее, – немного подумав, ответил милиционер.

– Хорошо, ждите наших сотрудников, – бросил дежурный и повесил трубку.

Отметив звонок в журнале регистрации, он набрал номер на селекторе внутренней связи.

– Товарищ полковник, – сказал дежурный, когда на том конце провода сняли трубку. – Докладывает дежурный офицер капитан Евсеев. Только что поступил сигнал из дома Ипатьева. Сообщают о некоей антисоветской выходке. Нет, сотрудники милиции. Не сообщили, сказали, чтобы прислали людей. Да, понял, товарищ полковник. До свидания.

Дежурный дал отбой.

Его собеседник, начальник пятого отдела УКГБ по Свердловской области, занимавший просторный кабинет тремя

этажами выше, устало потер виски и откинулся в кресле.

– Ни минуты покоя, – грустно пропел он и набрал номер на селекторе.

– Фомин, – ответил мужской голос.

– Олег, это я. Тут поступил сигнал из дома Ипатьева, надо проверить. Бери с собой молодого, как там его… Морозова и поезжайте.

– А что случилось-то, Валерий Павлович?

– Пока непонятно. Сигнал поступил от ментов, они говорят, что какая-то антисоветчина. Скорее всего, опять лозунг на заборе написали, как в прошлый раз. Но все равно будьте начеку. Дом скоро снесут, мало ли, что придуркам еще в голову взбредет.

– Хорошо, Валерий Павлович, выезжаем.

Фомин положил трубку, посмотрел на Морозова, дремавшего за соседним столом, улыбнулся и громко произнес:

– Товарищ лейтенант!

Морозов встрепенулся, распрямился на стуле.

– Да, что такое, – испуганно пробормотал он, щурясь заспанными глазами.

Увидев, что, кроме Фомина, в кабинете никого нет, Морозов с облегчением рассмеялся:

– Тьфу ты! А я думал – Палыч.

– Нехорошо, Евгений Борисович, на рабочем месте спать, – с напускной строгостью покачал головой Фомин. – А в конторе – вообще никуда не годится. Помнишь такой пла-

кат: «Сон на работе на руку врагам рабочего класса»?

Лейтенант смущенно улыбнулся.

– Понимаешь, Олег, у меня вчера у тестя юбилей был, – принялся оправдываться он. – До двух часов в БУШе[2] гудели. Думал, не встану. До обеда худо-бедно продержался, а сейчас не могу. Сплю на ходу. И башка трещит – будь здоров.

– Да уж, – протянул Фомин. – Ну и молодежь нынче пошла. Банку держать совсем разучились. Вот я в твои годы мог всю ночь куролесить, а на работе – как огурчик. Было времечко…

Его круглое, добродушное лицо расплылось в мечтательной улыбке.

– Да ладно тебе. – Морозов потянулся к графину с водой. – Ты меня всего на восемь лет старше.

– После тридцатника совсем другая жизнь начинается, – назидательно проговорил Фомин. – Сам поймешь, когда стукнет. И не заговаривай мне зубы. Только что Палыч звонил, дело есть.

– Какое? – не донес стакан до рта лейтенант.

– Опять антисоветчина в доме Ипатьева. И заниматься этим снова должны мы. Точных данных нет, Палыч предполагает, что снова лозунг на заборе. В общем, надо ехать.

Морозов разочарованно вздохнул.

– И ради этого я пять лет учился в юридическом? – недовольно пробурчал он. – Чтобы выяснять, кто намалевал ка-

---

[2] Ресторан «Большой Урал» (разг.).

кую-то чушь на доме, от которого через пару недель ничего не останется? Эх, надо было мне слушать отца и поступать в Москву. Сейчас бы…

– Опять двадцать пять. – Фомин схватился за голову. – И что бы ты делал? Шпионов ловил? Участвовал в перестрелках? Или, может, был бы бойцом невидимого фронта, как Штирлиц? Странный ты человек, Женя. Вроде бы умный парень, краснодипломник, член партии. Жена – красавица, двое детишек. А послушать – пацан пацаном. Пальба, погони. Детство в жопе так и играет.

– Ничего у меня не играет, – покраснел лейтенант. – Просто дела хочется, Олег. Настоящего дела. А не этой ерундистики. Палыч мне в первый день сказал: «Помни, Морозов, что ты находишься на переднем крае борьбы с врагами нашей социалистической Родины». А сейчас я смотрю и вижу, что никакой это не передний край. Передний край – он в Москве. А у нас глубокий тыл.

Фомин грозно сдвинул брови.

– Значит, так, лейтенант, – рявкнул он. – Мне с тобой нянчиться некогда. Хочешь в Москву – иди и пиши рапорт на перевод. Может, и удовлетворят. А пока будь добр выполнять свои должностные обязанности, одна из которых, между прочим, выезжать на места преступления. Так что прекращай нытье, собирайся и едем на Карла Либкнехта. И чтобы я больше от тебя этого не слышал.

– Хорошо, хорошо, проехали. – Морозов примирительно

поднял руки. – Сейчас себя в порядок приведу, и поедем.

Встав из-за стола, он накинул пиджак и, слегка пошатываясь, вышел из кабинета.

Фомин проводил его осуждающим взглядом.

Таким же нетвердым шагом Морозов дошел до туалета, с трудом открыл тяжелую деревянную дверь и остановился у пожелтевшей раковины.

Пустил холодную воду, сунул голову под кран.

«Зря я про Москву сказал, – размышлял лейтенант, наслаждаясь обжигающе-ледяной струей. – Совсем забыл с похмелюги, что у него это больная тема. Хотя, с другой стороны, почему я должен под него подстраиваться. Он же не подстраивается. Говорит все что думает. Павка Корчагин, твою мать. А у самого изо рта воняет так, как будто кошка сдохла. Тоже мне, старший. Ладно, все, успокойся. Не зверей. У всех свои заморочки».

Напоследок прополоскав рот, Морозов выключил воду и посмотрел в зеркало.

На него смотрело худое остроскулое лицо с темными кругами под глазами и юношеским румянцем на гладких щеках. Тонкие губы скривились в презрительной усмешке.

«Слабое лицо, – грустно подумал Морозов, рассматривая свое отражение. – С таким лицом не в комитете надо работать, а воспитателем в детском саду. Вот бы ямочку на подбородке, как у Палыча».

С сожалением вздохнув, он вытащил из внутреннего кар-

мана пиджака маленькую алюминиевую расческу и принялся тщательно причесывать потемневшие от воды светло-рыжие волосы.

Спустя несколько минут, убедившись, что пробор уложен волосок к волоску, лейтенант стряхнул влагу с расчески, убрал во внутренний карман и вышел из туалета.

– Намарафетился? – усмехнулся Фомин, когда Морозов вернулся в кабинет. – Табельное оружие не забудь, Ален Делон.

Морозов промолчал.

Искоса взглянув на Фомина, он подошел к несгораемому шкафу, достал кобуру с «макаровым», прикрепил к поясному ремню. Затем одернул пиджак и коротко бросил:

– Я готов.

– Наконец-то, – вздохнул Фомин. – Думал, не соберемся.

Закрыв дверь кабинета на ключ, они спустились по лестнице и вышли во внутренний двор.

Раскаленный, пахнущий пылью воздух обдал их удушливой обжигающей волной. Солнце, начавшее клониться к закату, припекало по-летнему безжалостно.

– Ну и жара, – выдохнул Фомин, когда они подошли к одной из служебных «Волг», стоявших во дворе. – Хоть бы дождик прошел.

– Как же, дождешься. – Морозов посмотрел на безоблачное небо. – По прогнозу, всю неделю так будет.

Открыв дверь «Волги», он сел на переднее пассажирское

сидение. Фомин сел за руль.

– Напомни мне потом, чтобы я Красильникову отчитался, – проговорил он, взглянув на одометр, и завел мотор.

Лейтенант кивнул.

«Волга» вырулила на улицу Вайнера, проехала мимо здания УКГБ и остановилась на светофоре перед площадью 1905 года.

– Эх, скорей бы в отпуск, – мечтательно вздохнул Морозов, разглядывая двух девушек в мини-юбках, идущих в сторону ЦУМа.

– А когда у тебя? – равнодушно спросил Фомин.

– Через две недели.

– Бархатный сезон. – Фомин завистливо поцокал языком. – И куда намылился? Снова в Ялту?

– Не, – скривился Морозов. – В последний раз Крым меня разочаровал. Яблоку негде упасть, суета, толпы быдла. Просто ужас какой-то. Поэтому в этот раз я решил посетить место потише.

– Какое?

– Рижское взморье. Тихие улочки, интеллигентные люди, хорошая еда. Одним словом, Европа. Уже и путевки взял.

– Поздравляю, – пробормотал Фомин и замолчал.

Светофор загорелся зеленым светом.

«Волга» выехала на площадь, миновала здание горсовета и продолжила движение по проспекту Ленина.

– Слушай, ты же рассказывал, что Маша терпеть не может

Прибалтику, – вдруг вспомнил Фомин, когда они проезжали плотину городского пруда. – Как ты ее уговорил?

По лицу Морозова скользнула тень.

– Она не едет, – пробурчал он, отвернувшись.

– Ничего себе, – удивился Фомин. – А кто за детьми смотреть будет? Неужели сам? Или родителей возьмешь?

Несколько секунд Морозов молча рассматривал узкую водную полоску Исети, стиснутую каменными плитами набережной. Затем, поняв, что отмолчаться не получится, повернулся к Фомину.

– В общем… тут такое дело… один я еду, без жены и детей, – отрывисто произнес он. – То есть не совсем один.

Фомин понимающе ухмыльнулся.

– Вот это да, – присвистнул он. – И кто она?

– Елагина, из кадров, – нехотя ответил лейтенант.

– Жопастая такая, – кивнул Фомин. – Силен, ничего не скажешь. К такой бабе на кривой кобыле не подъедешь. То есть получается, – хохотнул он, – жена с детьми в Свердловске будет нянчиться, а ты кадровичку в Юрмале будешь драть. Ну и жук ты, Женя. Что Маше-то скажешь?

– В том-то и дело, – вздохнул Морозов. – Ладно хоть путевка на две недели, а не на месяц. Скажу, что в командировку отправляют. Какая-нибудь стажировка в Ленинграде.

– Правдоподобно, – одобрил Фомин. – Но почему не в Москве?

– В Москве у нее тетка живет. Может попросить что-ни-

будь передать – и легенде конец.

– Вы великий конспиратор, – засмеялся Фомин. – А проживание в санатории тоже продумал? Вряд ли вас поселят в один номер.

– Все схвачено, – небрежно ответил лейтенант. – Во-первых, в путевках указаны соседние номера. Ну а в случае чего всегда можно использовать убедительный аргумент.

Он похлопал себя по нагрудному карману.

– Ты еще ствол с собой возьми, – поморщился Фомин и нажал на педаль тормоза.

«Волга» остановилась на светофоре перед перекрестком улицы Карла Либкнехта и проспекта Ленина.

– А ведь нехорошо это, лейтенант, – задумчиво произнес Фомин, наблюдая за очередью у входа в «Океан». – Получается, ты позоришь моральный облик советского чекиста. Злоупотребляешь служебным положением. Это выговор, не меньше. А если Маша мне позвонит и спросит про твою командировку? Нужно будет врать, а я это ой как не люблю.

– Что ты имеешь в виду? – побледнел Морозов.

Фомин пристально посмотрел ему в глаза и неожиданно расхохотался.

– Ой, не могу, – задыхаясь, проговорил он. – Ты бы себя видел. Радистка Кэт на допросе. Картина маслом. Да расслабься, шучу я. Прикрою, конечно. Так что спокойно развлекайся со своей кадровичкой. Но вот две бутылочки рижского бальзама, будь добр, так сказать, за хлопоты…

– Да, конечно, – выдавил лейтенант.

«Волга» свернула на улицу Карла Либкнехта и направилась к Вознесенской горке.

– Не дуйся. – Фомин похлопал Морозова по плечу. – Просто вид у тебя такой был – море по колено. Захотелось тебя немножко осадить. Чтобы не зазнавался. Ну, без обид?

На узких скулах Морозова проступили желваки.

– Без обид, – процедил он сквозь зубы.

Проехав мимо темно-серого здания филармонии, «Волга» вырулила на Вознесенскую горку, свернула на улицу Клары Цеткин и остановилась у дома Ипатьева.

– Ну вот мы и на месте, – бодро произнес Фомин и заглушил мотор. – Только не встревай, как ты обычно это любишь.

– Как скажешь, – пробормотал лейтенант.

Фомин и Морозов вылезли из «Волги», миновали желто-синий милицейский «бобик» и направились к главному входу, около которого курили два милиционера.

– Комитет государственной безопасности, капитан Фомин, – показал удостоверение Фомин. – Это мой коллега, лейтенант Морозов. Нам сообщили об антисоветской провокации в доме Ипатьева. От кого поступил сигнал и что именно произошло?

Милиционеры переглянулись.

– Я звонил, – смущенно проговорил один из них, темноволосый молодой человек лет двадцати пяти. – Лейтенант милиции Шевцов. Просто мне сказали, что по инструкции я

должен сообщить…

– Ближе к делу, – прервал его Фомин.

– В общем… – Шевцов посмотрел на напарника, словно ища поддержки. – С утра патрулировали район, все как обычно. А около часу дня нам передают, чтобы мы срочно проверили этот адрес. Мол, женщина какая-то звонила, говорит, что какого-то Вову забрали. Ну, мы ближе всех были, приехали, зашли. Видим – за столом у входа уборщица сидит. Мы ее спрашиваем: «Вы звонили»? Она молчит. Мы к ней подходим, еще раз спрашиваем, что, мол, произошло. Ноль реакции. Тогда я решил ее по плечу похлопать. Думаю, вдруг поможет. Так она как вздрогнула, как давай на стуле раскачиваться и бормотать – мы с перепугу чуть кони не двинули. Посмотрели мы на нее и в скорую позвонили. Через двадцать минут приехали, укол поставили и забрали.

– Крыша у нее поехала, – кивнул второй милиционер, полноватый мужчина с сержантскими погонами. – Врач сказал, что вдобавок у нее еще и сотрясение мозга. Они ее в психушку увезли, на Сибирский тракт.

– А о чем она… – начал спрашивать Морозов, но, встретившись со взглядом Фомина, осекся.

– Да, о чем она бормотала? – спросил тот.

– «Не подходите к нему», – ответил Шевцов. – Только это и повторяла. Сначала мы не поняли, о чем это она. А потом я вспомнил, что она говорила про какого-то Вову. Ну, когда по телефону звонила. Судя по всему, это вахтер.

– Почему вы так решили? – поинтересовался Фомин.

– На спинке стула висел пиджак. В нем мы нашли паспорт на имя гражданина Караченцева Владимира Петровича, 1917 года рождения.

– Понятно, – кивнул Фомин. – И что вы стали делать?

– Мы решили обыскать дом. Проверили первый этаж и спустились на нижний. А там…

Он замолчал.

– Продолжайте, – нахмурился Фомин.

– Простите, товарищ капитан, – покачал головой Шевцов. – Но лучше вам это увидеть собственными глазами.

– Ну что ж, – вздохнул Фомин. – Пойдемте посмотрим.

Милиционеры побросали окурки, и четверо мужчин зашли в дом.

На нижнем этаже их встретил третий милиционер.

– Старшина милиции Ковалев, – представился он и вопросительно посмотрел на Шевцова.

– Это товарищи из Комитета, – ответил тот. – Капитан Фомин и лейтенант Морозов. Ну, как там дела?

– Все так же, – пожал плечами Ковалев. – Но дверь я прикрыл. На всякий случай.

Его бледное, одутловатое лицо казалось невозмутимым.

– Да что там такое? – не выдержал Морозов.

– Сейчас увидите, – отозвался Шевцов. – Идите за мной.

Пройдя по коридору, они подошли к проходной комнате.

– Только внутрь не заходите, – предупредил Шевцов и от-

крыл дверь.

Увидев переливающийся световой поток, Фомин и Морозов застыли как вкопанные.

Милиционеры молча наблюдали за ними.

– Что это за херовина? – первым сбросил оцепенение Фомин.

– Мы не знаем, – ответил Шевцов. – Но думаем, что уборщица говорила про него. И, судя по всему, вахтер пропал тоже из-за него.

– Что вы имеете в виду?

– Мы думаем, что вахтер пошел прямо туда, – негромко произнес Ковалев.

Фомин с сомнением посмотрел на свечение.

– На кой ему туда лезть, – пожал плечами он. – Это же черт знает что… Может, это шаровая молния какая-нибудь? Я как-то передачу по радио слушал, там один академик про них рассказывал. Залетела через форточку и застряла в комнате.

– Товарищ капитан, на небе ни облачка, – покачал головой Шевцов. – Откуда молнии взяться?

– Точно, – хлопнул себя по лбу Фомин. – Совсем котелок не варит. А ты что думаешь, Женя?

Морозов не ответил.

Прищурив свои чуть раскосые светло-карие глаза, он неотрывно смотрел на струящееся световое кольцо. На его лице, озаряемом голубоватыми бликами, появилось стран-

ное выражение – смесь восторженного любопытства и отвращения.

– Лейтенант, ты тут? – повысил голос Фомин.

– Это мой шанс, – прошептал Морозов и, повернувшись к Фомину, громко произнес:

– Я проверю, что там.

Фомин недоверчиво наклонил голову.

– Очумел, что ли? – резко проговорил он. – Стой где стоишь. И не устраивай детский сад, перед товарищами позоришь.

Лицо лейтенанта исказила гримаса.

– Да пошел ты, капитан, – прошипел он. – Наелся я твоих нравоучений, хватит. Теперь я сам буду решать, что мне делать.

Расстегнув пиджак, Морозов достал «макарова» из кобуры, снял с предохранителя и быстро шагнул в проходную комнату.

– У страха глаза велики, – усмехнулся лейтенант и сделал еще несколько шагов в сторону свечения. – Главное…

Он не договорил, вдруг поняв, что не может остановиться.

– Это еще что такое… – пробормотал Морозов и, обернувшись к Фомину с милиционерами, растерянно крикнул: – Мужики, меня словно кто-то тянет туда.

– Что ты несешь? – раздраженно переспросил Фомин. – Немедленно вернись обратно.

– Я… не… могу. – Морозов почувствовал, что начинает

бежать. – Это что-то…

Прикрывая глаза ладонью от приближающегося света, он вскинул руку с «макаровым» и несколько раз выстрелил в сторону струящегося потока.

На мерцающем, голубовато-белом контуре появились две крохотные вспышки – и сразу же исчезли, растворившись в толще света.

«Кранты, – пронеслось в голове у Морозова. – Как же глупо все получилось».

Это была его последняя мысль.

* * *

– …И этот человек, Ваше Величество, бросил мне в лицо: «Вы, Трупп, всего лишь лакей, хоть и царский. Вся ваша спесь, этот холодный надменный взгляд, гвардейская выправка, пышная ливрея – ширма, за которой вы пытаетесь скрыть свое холопье нутро. Нет ничего более постыдного, чем подобострастно сгибаться при виде человека, на чьих руках еще не запеклась кровь русских людей».

– И что же ты ответил, Алексей?

– Мой ответ был прост, Ваше Величество. Я объяснил этому господину, что главной максимой моей жизни был и остается принцип «Делай что должно, и будь что будет». Всякая служба почетна, и нести ее нужно добросовестно и прилежно. А что касается ваших рук, то я ответствовал,

что нет в мире ни одного государя, чьи руки были бы белоснежно чисты, и что вы, Ваше Величество, горько переживаете за смерть каждого из ваших подданных. В отличие от многих других правителей, между прочим.

– Хорошо сказано, друг мой! Но, боюсь, твой ответ не удовлетворил его.

– Вы правы, Ваше Величество, это только раззадорило его пыл. Перебивая меня, он начал выдвигать новые, еще более мерзкие инсинуации, которые касались не только вас, но и Ее Величества. Только мое предостережение, что за высказываниями подобного рода может последовать вызов, образумило этого дерзеца.

– Ты храбрый человек, Алексей! Драться на дуэли, отстаивая нашу честь, – поступок в высшей степени благородный. Но, к сожалению, столь же и безрассудный. Убив этого человека, ты бы взял на душу бессмысленный грех. И я более чем уверен, что его убеждения оставались бы неизменными до самого последнего вздоха. А в случае же противного исхода ты бы просто зря погубил себя.

– Но, Ваше Величество, он же мог отказаться от дуэли.

– Тогда ненависть еще глубже бы укоренилась в его душе, подкрепленная испытанным унижением. Нет, друг мой, по моему убеждению, разумнее всего таких персон избегать, уклоняться от споров с ними и оставлять их наедине с собой. Ведь лучший учитель – это время, и оно, как правило, расставляет все по своим местам. А рисковать жизнью в

попытке донести до кого-то свою правоту – весьма опрометчивый шаг.

– Признаюсь, Ваше Величество, это субъект изрядно досадил мне. Быть может, он заслуживал смерти.

– Смерти… Знаете, друзья мои, мне все еще не дает покоя один вопрос. Слегка затронув его в самом начале нашего… появления, мы отвлеклись на дорогие нашему сердцу воспоминания и совершенно забыли о нем.

– Что ты имеешь в виду, Ники?

– Я о том, что же все-таки есть наше нынешнее положение? Последнее, что мы помним, – эта комната, вооруженные люди, выстрелы и страшная, невыносимая боль. А теперь мы вновь здесь, с осознанием той непростой задачи, которую должны осуществить, и чувством необычайной прозорливости, позволяющей видеть нам сущность людей и вещей. Что же это, друзья мои? Может быть, это искупление, посланное нам Господом, дабы мы загладили свои грехи перед Ним? Или, напротив, кара, которую мы навлекли на себя нашей неправедной жизнью? И мы будем вечно взирать на последствия наших деяний, раз за разом терпя крах в попытке их исправить? Воистину, нет ничего хуже неизвестности.

– Ваше Величество, позвольте мне поделиться на сей счет кое-какими соображениями.

– Конечно, Евгений Сергеевич, надо сказать, меня обуревает любопытство! Ведь вы, как человек науки, обладае-

те совершенно особенным взглядом на этот мир, и, может быть, только вы в силах объяснить то, что происходит с нами сейчас.

– Ваше Величество, к сожалению, медицина нашего времени не обладала достаточными познаниями относительно процессов, происходящих с человеком при смерти. Но еще древние знахари подмечали, что некоторые умирающие рассказывали о совершенно немыслимых вещах.

– Как это называется… галлюцинации?

– Можно сказать и так, Ваше Величество. В конце прошлого столетия французские коллеги даже придумали термин для этого явления, expérience de mort imminente[3]*, если мне не изменяет память.*

– Expérience de mort imminente… как поэтично, Аликс, не находишь?

– Поэтично? Ники, это же какой-то декаданс.

– Любовь моя, подлинная поэзия не принадлежит ни одному жанру. Иные пошляки с умным видом изрекают, что Пушкин, этот сверкающий алмаз, который могла произвести на свет только Россия, всего лишь основоположник реализма. А между тем Пушкин, как истинный гений, необъятен, и загонять его в какие-либо рамки есть вопиющая… Впрочем, мы несколько ушли в сторону, Евгений Сергеевич, прошу меня простить.

– Ну что вы, Ваше Величество, не стоит, право…

---

[3] Переживание близкой смерти (фр.).

– Учтивость – одна из немногих радостей, которые мы можем позволить себе в текущих обстоятельствах. Так что не обессудьте, друг мой. Возвращаясь к вышесказанному… Я, признаться, заинтригован. Правильно ли я понял, Евгений Сергеевич, что по вашему предположению все происходящее с нами есть не что иное, как химера, порожденная нашим угасающим сознанием?

– Совершенно верно, Ваше Величество, вы абсолютно точно подметили самую суть моей идеи! По всей видимости, организм умирающего человека производит особые вещества, которые воздействуют на мозг, затуманивая разум.

– Но как такое возможно? Ведь мы общаемся друг с другом, обмениваемся мыслями и суждениями, и действительность, предстающая перед нашими глазами, одинакова для каждого из нас. Неужели морок, о котором вы говорите, может быть столь… причудливым?

– Сказать по правде, Ваше Величество, в этом я вижу слабое место моей гипотезы. Могу лишь допустить, что мы столкнулись с так называемой коллективной, или массовой, галлюцинацией. Но в большинстве описанных случаев они возникали на почве самовнушения или гипноза. Что касается нас… боюсь, наука все же бессильна это объяснить.

– Евгений Сергеевич, вам не стоит сокрушаться по этому поводу. Думаю, всем нам следует признать, что мы стали свидетелями самого настоящего чуда. А чудо, друзья мои,

есть божественный промысел, Его прекрасное и непостижимое творение, снизошедшее до нас, дабы напомнить, что мы лишь крохотная частица огромного древа мироздания. К сожалению, нам не дано понять все величие Его замысла, нам лишь приоткрыта замочная скважина, через которую мы видим отблески священного огня Провидения. И предназначение наше я вижу в том, чтобы выполнить Его волю, какой бы загадочной и невообразимой она ни казалась. Нам остается лишь только верить, что Господь с Россией, и все испытания, выпадающие на ее долю, есть очистительное пламя, из которого она возродится, подобно птице феникс. Но как же горько осознавать, что наше Отечество постигнет участь…

– Рара! Там снова человек!

– Как скоро! Впрочем, этого следовало ожидать. Любопытно, кто же на сей раз.

– Я вижу его, это…

– Не может быть.

– Господи, Ники, нет!

– Никогда!

– Это какая-то ужасная насмешка…

– Друзья мои, я хорошо понимаю ваше негодование, но, боюсь, нам придется несколько пересмотреть наши прежние представления о людях. Если, конечно, мы всерьез намерены осуществить предназначенное. Действительно, на первый взгляд этот молодой человек совершенно не соот-

ветствует тому образу, который сложился, пусть и неосознанно, у всех нас. Вы скажете, что служащий учреждения, повинного в столь чудовищных злодеяниях, не может быть нашим выбором. Но мы должны понимать одну простую вещь. Россия изменилась, как и люди, населяющие ее, и этого нельзя не учитывать. Честь, благородство, самопожертвование нынче перестают быть теми нравственными идеалами, к которым когда-то стремились наши современники. Поэтому я призываю вас судить беспристрастно, основываясь на всех сторонах его личности. Пороки и добродетели, сплетенные воедино, могут породить удивительный цветок. Кто знает, быть может, нам нужен именно такой человек.

– Увы, Ники.

– Похоже, первое впечатление не обмануло.

– Как жаль…

– Да, друзья, вы были правы. Этот молодой человек, несомненно, умен и честолюбив. И так же, как и вы, я вижу в нем гордыню, малодушие и двуличие. Но не это самое страшное, нет! Ужаснее всего ощущать в нем чувство глубокого, безжалостного презрения к людям. Смертоносное растение, которое Евгений Сергеевич несколько легкомысленно назвал «большевистской охранкой», уже успело заронить свои отравленные семена в эту еще отчасти юношескую душу. Романтизм, свойственный молодости, уйдет, сменяемый холодной прагматичностью вкупе с опьяняющим на-

слаждением властью. Пока эта власть мала, но что будет, если она возрастет многократно, поддержанная полученным от нас знанием? Боюсь, в этом случае судьба России окажется для него менее значимой, чем те несомненные личные выгоды, которые он обретет, оказавшись на вершине.

– Власть всегда меняет людей, Ники, и ты знаешь это как никто другой. Сложно предугадать, в какую сторону качнется этот маятник. Иоанн Грозный наслаждался криками несчастных, которых варили в кипятке, а твой дед, Царь-освободитель, милостиво даровал крепостным волю. Что только не видела Русь-матушка… Но каждый из царей думал в первую очередь о ней, о ее будущем, о том, какую страну они оставят своим детям, внукам и правнукам. Глядя же на этого самодовольного молодого… опричника, да, именно опричника, я вижу только мещанское своекорыстие, приправленное растущей жестокостью. Конечно, он умен, но…

– Аликс, вот это меня и тревожит! Мы отвергаем уже второго человека, причем, в отличие от предыдущего, куда более способного. Я согласен с тем, что его пороки серьезны, и мы не можем закрывать на них глаза, но вдруг это наш последний шанс? Ведь мы не знаем, сколько еще времени нам отпущено. Что, если чудо, очевидцами которого стали мы все, рассеется прежде, чем у нас получится сделать выбор? Быть может, нам следует попытаться? Ты верно сказа-

ла, что почти невозможно предсказать, в какую сторону изменит человека власть. Вдруг все же это будет лучшая сторона.

– А если нет? Что, по-твоему, лучше, Ники, – оставить все как есть или рискнуть и получить, возможно, худший из исходов? На мой взгляд, ответ очевиден.

– Любовь моя, прости меня. Ты совершенно права. Мы не можем быть авантюристами в этом судьбоносном деле, и твое мудрое женское сердце помнит об этом куда лучше, чем мое. Простите меня, друзья! Это была минутная слабость.

– Рара, выходит, мы снова должны ждать?

– Увы, Алексей. Надеюсь, Господь не отвернется от нас, и мы сможем осуществить предначертанное.

– Иного пути у нас нет.

– Да поможет нам Бог.

* * *

Первый секретарь Свердловского обкома КПСС, крепкий сорокашестилетний мужчина с массивным крестьянским лицом, сосредоточенно изучал проект метрополитена, когда из селектора раздался голос секретарши:

– Борис Николаевич, у вас через десять минут встреча с Юрием Ивановичем и его коллегами из Комитета государственной безопасности. Он сказал, что это очень важно.

Первый секретарь поморщился, нажал на кнопку селектора и проговорил в пластиковую решетку:

– Спасибо, Света.

И снова уткнулся в проект. По плану Харьковского проектного института, через город предполагалось проложить три ветки. Первая должна была идти с Уралмаша до Уктуса. Вторая, идущая с запада на восток, соединила бы УПИ и ВИЗ. Третья – Юго-Запад и район станции «Аппаратная».

«Оптимисты, – с грустной усмешкой подумал первый секретарь. – Дай бог, одну согласуют. Мы же не Москва. Там семь миллионов, столица, пассажиропоток ого-го. А мы что? Так, миллион еле-еле наковыряли, какие у нас пассажиропотоки. Одной ветки за глаза хватит. Снобы московские… Тут и выбирать нечего, с Уралмаша на юг, через площадь. На демонстрации будут ездить. Надо записать, кстати, для митинга пригодится».

Вытащив из внутреннего кармана пиджака маленькую записную книжку, он быстро набросал несколько предложений.

«Нужно постановление Политбюро, – продолжал размышлять первый секретарь, просматривая эскизы вестибюлей станций. – Придется ехать к генеральному. И чтобы лично подписал. И зарегистрировать, обязательно зарегистрировать. Иначе задвинут. Какие же все-таки сволочи. Ведь он вообще не понимает, что происходит. Первый человек в государстве! Куда же мы плывем, спрашивается?»

– В светлое будущее, – угрюмо произнес он вслух.

Отложив проект, первый секретарь встал из-за стола, подошел к приоткрытому окну.

Темнело в августе рано, и на город уже успели опуститься сумерки. В тусклом свете фонарей виднелись силуэты влюбленных парочек, занявших скамейки возле фонтана. Редкие прохожие торопливо проходили мимо них и исчезали в полумраке аллей, пересекающих площадь. Сквозь вечернюю тишину доносился тихий гул голосов, всплески приглушенного смеха, перезвон проезжающих трамваев.

Первый секретарь на мгновение закрыл глаза. Он вспомнил, как пришел на эту площадь вместе с Наей в июне 1953-го, после сдачи зачета по строительной механике. Зачет прошел быстро: преподаватель, пожилой еврей с добрыми рачьими глазами, уточнил фамилию, задал несколько вопросов про степени свободы систем и, усмехнувшись, расписался в зачетке, напоследок пожелав хорошо выступить на осенних соревнованиях. Ная ждала его внизу, на скамейке у главного здания, красивая, зеленоглазая, в летнем платье с ярким цветочным узором. Он хорошо помнил это платье, потому что оно необыкновенно шло ей, очень нарядное, почти вечернее, пошитое из трофейного шелка, который привезли из Германии Наины родственники.

Тогда они долго гуляли по улице Ленина, укрываясь от солнца в тени бульваров. Он много острил, смешил Наю забавными историями из жизни своих одногруппников и да-

же пытался изображать миниатюры Тарапуньки и Штепселя, пластинку с записями которых недавно купил его сосед по общежитию. Иногда он обрывал себя на полуслове и с серьезным видом начинал рассказывать какой-нибудь неожиданный факт, вычитанный из Большой советской энциклопедии, наслаждаясь тем, как смеющееся лицо Наи на миг приобретало озадаченное выражение, а затем вновь расплывалось в улыбке.

Увлеченные друг другом, они не заметили, как дошли до сквера на площади Труда. Присев на ближайшую скамейку, Ная, немного стесняясь, заметила, что не отказалась бы от мороженого, он быстро добежал до лотка и вернулся с пломбиром, зажатым между двумя круглыми вафлями. – Спасибо, – улыбнулась Ная.

И глядя, как робко она откусывает от мороженого маленькие кусочки, осторожно придерживая его за вафельные кружки, он вдруг отчетливо понял, что по-настоящему любит Наю, что это именно любовь, а не одна из тех мимолетных влюбленностей, порой случавшихся с ним на танцах или в коридорах института, и вся дальнейшая жизнь – бессмысленна, если в ней не будет этой красивой застенчивой девушки, которая сидит сейчас рядом с ним, ест пломбир и смотрит на фонтан.

Потом были областные соревнования по волейболу, защита диплома, распределение в трест «Уралтяжтрубстрой», где за год он освоил двенадцать строительных специально-

стей, свадьба с Наей, рождение двух дочерей, вступление в КПСС, назначение в Свердловский домостроительный комбинат, перевод на партийную работу в Свердловский обком, долгие семь лет в должности завотделом строительства, неожиданный вызов в Москву, в ЦК, где много спрашивали про обстановку в обкоме, положение дел в области, разговоры были аккуратные, прощупывающие, вскоре за ними последовала встреча с Брежневым, который сообщил, что Политбюро рекомендовало его на должность первого секретаря Свердловского обкома, на место переведенного в секретариат ЦК Рябова.

Он принял предложение и стал полноправным хозяином области со всеми соответствующими привилегиями: роскошной госдачей на озере Балтым, путевками в цековские санатории и новенькой «Чайкой» с личным водителем. Первые месяцы прошли в счастливом головокружении, восторг бил через край, работа кипела, он не замечал, как понедельник сменяется пятницей, а ноябрь – февралем.

Но сейчас, спустя почти год после назначения, стоя у окна и глядя на *свой* город, он внезапно почувствовал, что к нему начало возвращаться мучительное чувство *застоя*, впервые возникшее у него после первых двух лет на посту завотделом.

«А что дальше? – тоскливо спросил себя первый секретарь. – Сидеть в Свердловске, пока не вынесут ногами вперед? И смотреть, как старые маразматики окончательно все

просрут? Нет, надо двигаться дальше. Сначала в члены ЦК. Потом в Москву. А дальше посмотрим. Им всем под восемьдесят, через пару лет начнут давать дуба. Но как пробиться? Поговорить с Рябовым? Вряд ли поможет, ему не нужны те, кто могут его подсидеть. “Сиди у себя и не высовывайся”. Тогда к кому? Кириленко? Тоже вряд ли: слишком давно в Кремле, лично меня не знает. Как же быть…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.